

ТЕАТРАЛЬНАЯ площадь... С февраля этого года практически каждый вечер, а по выходным и днем сюда стекались сотни тысяч людей. Теперь, когда в Ереване введен комендантский час и собираться вместе, митинговать запрещено, я ловлю себя на мысли, что к вечеру ноги как бы сами несут меня к этой площади. Как же случилось, что в наши, казалось бы, мирные дни мы живем по законам военного времени?

Забастовка, комендантский час... Какие это непривычные для нас слова. Ошибается тот, кто думает, что карабахские события всплыли на сугубо национальной волне. Главное тут — социальная несправедливость, которую долгие годы ощущало на себе население НКАО. Бывшие руководители соседней республики делали все, чтобы вытеснить из их сознания чувство родной истории, культуры, языка... Накапливались, множились обиды, возмущение переросло в стойкое недовольство.

Тем временем в Армении неформальным лидерам удалось перехватить инициативу, увлечь и организовать народ, чего не скажешь о партийных, советских работниках. Куда делось в этой сложной, непривычной обстановке красноречие иных «формальных» лидеров? Почему не хочет слушать их народ?

Конечно, и в этом неформальном движении было немало перехлестов, примазались к нему и демагоги, и экстремисты. Но не эти лица определяют ход жизни.

Кстати, заседание последней сессии Верховного Совета республики транслировалось по телевидению, и мы видели, как наши депутаты на редкость дружно, конструктивно и по деловому обсуждали самые животрепещущие политические, социально-экономические проблемы, вопросы охраны окружающей среды. Никогда не доводилось мне быть свидетелем такого заинтересованного обсуждения. Вот что значит перестройка, вот как она вовлекла людей в политическую жизнь страны! Это уже далеко не та картина из недавнего прошлого, когда лес рук бездумно одобрял не подтвержденные глубоким научным прогнозом и житейской мудростью «глобальные» проекты, такие, как поворот сибирских рек или строительство Армянской АЭС на тектоническом разломе Араратской долины...

Сессия прервала свою работу из-за напряженной обстановки в регионе. Правда, спустя пару дней депутаты вновь собрались в оперном театре, чтобы продолжить обсуждение повестки дня незавершенной сессии, но, как было сказано в официальном сообщении, на многих из них оказывалось «явное давление». А я хочу спросить: что же это за депутаты, на которых можно оказывать давление? И не они ли именно призваны сказать народу всю правду с высокой трибуны?

А правда, на мой взгляд, такова, и мне ее легко цитировать из доклада М. С. Горбачева на недавней сессии Верховного Совета СССР: «Перестройка буквально взорвала царившую у нас в застойные годы призрачную тишь да гладь, дала импульс широкой и свободной дискуссии, подняла на поверхность многие назревшие и даже болзевшие вопросы. И необходимо, чтобы огромная энергия этого общественного процесса не растекалась, не растрачивалась себя зря и тем более не выливалась в социальные и национальные междоусобицы, а была приложена к реальным делам, целиком обращена на достижение поистине революционных созидательных целей».

ВЫ не задумывались, как легко, охотно ставим мы знак равенства, стремясь благополучно разрешить иные распри на национальной почве?

Скажем, где-то в Прибалтике учрежден Народный фронт, а мы что — хуже? Но нужно ли слепо копировать то, что утвердилось или утверждается в других регионах страны? Тем более в таком серьезном деле, как организация народного движения в поддержку перестройки? Ведь реальная ситуация, исторические предпосылки и социально-психологические условия у нас иные, чем, скажем, у наших соседей. А как не учитывать при этом общественные взгляды, умонастроения самых широких слоев населения, наконец, религию, мораль народа.

Словом, при извечном стремлении к равно-

Творчество Хорена Абрамяна широко известно театральным зрителям. Блестящий актер и режиссер, он недавно избран председателем правления Союза театральных деятелей Армении. Сегодня, когда вся страна с тревогой следит за событиями в Нагорном Карабахе и вокруг него, мы предоставляем слово народному артисту СССР, лауреату Государственных премий СССР и Армянской ССР Х. Абрамяну.

СЛЫШУ ЗОВ ПАХАРЕЙ

правую, что само по себе бесспорно является завоеванием нашего строя, все-таки нельзя равнять все братские народы под одну гребенку, особенно в тонкой, чувствительной, я бы сказал, деликатной сфере национальных отношений. Тут необходим дифференцированный, гибкий подход, а не ломовая уравниловка. Уверен: азербайджанцам так же противно и противоестественно проливать невинную кровь, как и армянам. Но, думаю, в обеих республиках есть фанатики, одержимые идеей, есть и антиперестроечные силы, которым выгодно, должно быть, раздуть национальную вражду. Но если есть такие люди, значит, нужны их вывески на чистую воду, не боясь при этом ущемить национальное самолюбие. Думаю, от этого только легче будет нашим народам...

Вот сейчас, когда обострились события вокруг Нагорного Карабаха и на дорогах обеих республик появились тысячи переселенцев, люди обезумели от страха за родных и близких, от раздражающих душу слухов, нехватки достоверной информации. Одни говорят: сожжено 60 домов, другие называют цифру гораздо большую. Ну да если бы даже один дом сгорел, разве от этого легче семье пострадавших? Вот в газетах сообщили, что убиты офицер, два солдата. Это совсем немного в сравнении с теми, кто пали в Афганистане. Но разве легче от этих сравнительных данных матерям, разве меньше горя у них дома?

Говорят, чужого горя не бывает. Но не бывает и равного для всех, дозированного, как на весах в аптеке, счастья. Каждый переживает несчастье, невзгоды по-своему. До сих пор я знал, что такое зритель. Теперь, мне кажется, узнал, что такое народ.

Конечно, прав Евгений Евтушенко, утверждая, что «разница в вере и национальности не должна разделять людей», но вряд ли только представители интеллигенции от каждого народа сегодня могут разобраться в том, что у нас происходит, найти спасительный выход из создавшегося положения. Для этого нужны усилия всего народа. Творить мир необходимо всюду, в том числе и за «круглым столом». Но разве сотворишь его в одиночку? Девять месяцев прошло с тех пор, как начались события вокруг Нагорного Карабаха, а страсти не утихают. Все эти месяцы народ находится в состоянии крайнего напряжения, и я уже не знаю, какое слово, какое мудрое решение может вывести его из этого тупика, остановить на пути к пропасти.

Как человек я, конечно, обижен, что на Театральной площади родного города стоят сегодня танки; как гражданин прекрасно понимаю, что без них, наверное, не обойтись. При особом положении можно обойтись и без митингов, собраний, которые теперь запрещены. И понятно, что это положение должно быть для всех в регионе одинаково обязательным. Вот тут я за «уравниловку», ибо закон один для всех безотносительно к национальной принадлежности.

Бесконечен счет взаимных упреков и обид. И земляки мои по-прежнему с надеждой смотрят на Москву. Но в наше время было бы неверно уповать лишь на команду сверху, и, думаю, никто по-настоящему нас не рассудит, пока не разберемся сами. Каждый народ достоин той судьбы, которую выбирает, но разобрат-

ся в этом прежде всего должен сам. С позиций высшей справедливости и правды. А правда, как я понимаю, всегда должна быть правдой независимо от национальных одежд.

Еще со сталинских времен и до сих пор, увя, о национальном у нас в стране нередко судят по форме, а не по содержанию. Пока это лаваш и тосты в дружеском застолье, куда это общие слова — тут все нормально. Но если речь заходит о конкретном, сокровенном, с чем связаны надежды и тревоги нации, нередко слышишь осуждающе обидное: «националисты», «экстремисты»... Но где найти те честные, правдивые слова, которые способны передать национальную драму народа?

Опять, уже в который раз, все наши взоры прикованы к прессе, к экранам телевизоров. И что же слышим мы, что видим и читаем? Уже знакомые, штампованные фразы: «в свете решений», «лица армянской национальности»... Да говорите же простым, понятным языком! Что за свет, откуда? Какой Христос его несет? Почему и теперь, когда в стране объявлена гласность, нельзя называть вещи своими именами, прибегая к эзоповым газетным ребусам? Отсутствие достоверной информации в республиканской и союзной печати создает благодатную почву для слухов, способных еще больше накалить обстановку. Меня, не скрою, даже обрадовал и обнадежил исчерпывающий, точный анализ обстановки, сложившейся в НКАО и вокруг нее, который сделал на сессии Верховного Совета СССР депутат А. И. Вольский. Но ведь столь глубокая, подробная информация по существу благодаря сессии впервые «просочилась» на экраны телевизоров.

Скажу еще, что никого, должно быть, не оставила равнодушным и речь моего коллеги Кирилла Лаврова, призвавшего нас «вместе искать мирные пути выхода из этой сложнейшей ситуации, подрывающей благородный процесс демократического переустройства страны. Не упустить время, не позволить перестройке захлебнуться, не давать козырей ее противникам — это сейчас главная задача». Это призыв настоящего друга.

На мой взгляд, нужно только радоваться, что большинству из нас теперь глубоко не безразличны как проблемы, дела перестройки, так и судьбы людей, в нее вовлеченных. Благодаря перестройке, которая идет у нас сложно, противоречиво, но, заметьте, все-таки идет, стал возможен рост национального самосознания, народ поверил в гласность. Так разве дадим мы сегодня отнять эту веру?

В ПЬЕСЕ П. Джакометти «Семья преступника», все действие которой происходит в церкви, есть такие слова: «Будьте осторожны, не верьте фарисеям. Они говорят одно, а делают другое». Кто же поможет нам распознать, в какие одежды рядятся сегодня фарисейство, пустозвонство?

Чтобы и самому не выглядеть фарисеем, хочу сказать несколько слов о театре, о той программе, которую в нем проповедую. Семь лет назад я поставил «Незавершенный монолог» П. Зейтуняна. Вначале пьеса называлась «Молодец, Рафик!», и я играл в ней

роль энергичного, полного сил человека, который хочет работать, а не заниматься болтовней, но выясняется, что в нашем плановом хозяйстве, не нарушая законы, построить быстро ничего нельзя — все нужно достать, пробить и т. д. И все же Рафик строит, да не что-нибудь — железную дорогу. Конечно, попадает в сложный переплет. Его исключают из партии и отдают под суд. Почему же зритель, несмотря на это, симпатизирует ему и ненавидит бюрократов, тормозящих дело? Разве эта пьеса не из арсенала перестройки? И разве могла она остаться в то время незамеченной для высокого начальства? У меня сохранился один экземпляр пьесы, испещренной пометками добровольных «цензоров», где не осталось, пожалуй, живого места...

В 1984 году, когда Театру имени Г. Сундукяна, где был главрежем, исполнилось 60 лет, я поставил пьесу нашего классика «Пэпо» (допускаю, может, не совсем удачно), в которой постарался отойти от классических канонов и, персонализируя героев, сделал их характеры, пожалуй, слишком узнаваемыми. Я мог бы показать на юбилей и пьесу Наири Зарьяна «Адаван» или «Короля Джона» В. Шекспира, где при дворе собрал всех дряхлых стариков, какие только есть в театре, «Незавершенный монолог» или шекспировский «Кориолан», трагедию изгнанника, который доблестно и честно защищая Рим, стал вдруг ему не нужен... Результат примерно был бы один и тот же. Но именно после «Пэпо» меня вызвали в ЦК, а министр культуры предложил написать заявление об уходе...

Как сегодня, помню: было воскресенье, но К. Демирчян, бывший первый секретарь ЦК КП Армении, уделил мне два с половиной часа драгоценного времени. Он был очень внимателен, лишь отметил как бы между прочим, что во всех моих спектаклях есть негативные стороны. Когда мы прощались, сказал: «Какое бы решение мы ни приняли, ты на меня не обижайся. Это история Кориолана — тебя изгнали, но через два года ты вернешься...» Он говорил так вежливо, так убедительно, по-фарисейски вкрадчиво...

Прошло пять лет, прежде чем я вернулся в театр, когда и Демирчян, и министр уже ходили в бытность... А я все не мог забыть, как лишили меня студии, где преподавал, как выяснилось, что даже членом худсовета я недостоин быть... Мне говорили: «Хорен, ты хороший актер, но ты не должен ставить...». Все спектакли, что я поставил, были, впрочем, удостоены союзных и республиканских премий, и я думал, что в какой-то мере неуязвим, а оказалось все так просто...

И вот, уже работая в Ленинкане главным режиссером драмтеатра, где за два года осуществил 12 постановок (если судить по отзывам, все в основном удачные), я вдруг узнал, что моя кандидатура обсуждается на худрука в Театре имени Г. Сундукяна. Поехал на эти выборы, ни на что особо не надеясь. Проголосовали: 98 — за и 10 — против. А вскоре на пленуме Союза театральных деятелей Армении избирают нового председателя правления — и вновь я прохожу: 46 — за, 7 — против. За какой-то месяц со мной случается и третье: республиканский комитет большинством голосов (45 — за, 4 — против), присуж-

дает Государственную премию как режиссеру-постановщику и исполнителю роли Коррадо в спектакле Ленинканского драмтеатра имени А. Мравяна «Семья преступника».

«Да что же это происходит? — недоумевал я. — Зачем же тогда меня выгнали? Ведь в театре ничего не изменилось?»

Да, в театре ничего не изменилось, но что-то изменилось в жизни, да, кстати, и во мне самом. Ушли «со сцены» люди, которые не давали мне ходу. Разве могу теперь я не поверить в перестройку? И разве дам ей захлебнуться?

И вот, пожалуй, главное в этой истории, о чем хотелось бы сказать. Подходит ко мне недавно один из молодых одаренных людей из тех, что когда-то по указке писали на меня подметные письма, и подавленно, чуть ли не шепотом говорит: ребята, мол, интересовались, что же теперь с нами будет?

«Как что, — отвечаю я, — работать будем...» «А как же с теми, кто был против?» — не унимается он.

Честное слово, меня даже слеза прошибла, когда я понял, чего он боится. Да если стану заниматься я интригами, сведением счетов, мне и двух жизней на это не хватит! Не дай нам бог — ни в большом, ни в малом — лелеять чувство мести, самое низкое и подлое, на мой взгляд, на земле.

Лет тридцать назад, во времена хрущевской оттепели, когда вместе с нашим известным режиссером, народным артистом СССР Р. Каплянником мы ставили в тюзте спектакль «60 лет и 3 часа» — о сталинских репрессиях, я играл в нем сына пострадавшего, который неожиданно встречает человека, принимавшего участие в аресте его отца. И на его признание достойно отвечает: «Я обо всем знаю и приехал к вам не мстить, а просто разобраться в том, что было...» Вот почему, возвращаясь к теме, скажу: нельзя нам, двум соседним народам, встать на путь мстительности, она может привести только к новым жертвам и бедам.

Великий Шекспир как-то заметил, что жизнь — это театр, а люди в ней — актеры. Вот почему, размышляя о том, в каком направлении будет развиваться в ближайшее время наша театральная мысль, я хотел бы вернуться на сцене к фарисейскому, кошмарному «театру Иосифа Сталина». Вместе с композитором Тиграном Мансуряном мы думаем сейчас над постановкой спектакля «Зов пахарея» по мотивам одноименного романа Х. Даштианца, удостоенного посмертно госпремии республики. (Кстати, среди награжденных и кинорежиссер Сергей Параджанов, думаю, что запоздало, но очень справедливо отмеченный за кинокартины «Цвет граната» и «Акоп Овнатяна»).

О чем роман, волнующий меня? О верных сынах народа, которые в горах дрались за правое дело, за свою свободу с регулярными турецкими войсками. А в 1937 году их арестуют как врагов народа... Сколько лет прошло, а как сегодня слышу зов пахарея, чувствую их неизбывную тягу к мирному труду.

В то время мне было совсем немного лет, но я прекрасно помню, как отду, школьному учителю, весьма далекому от политики, постоянно звонили какие-то люди, и он вздрагивал от таких звонков. В доме была страшная атмосфера. Почему же вновь и вновь возвращаюсь к прошлому? Без того, что было раньше, нельзя понять, что происходит сейчас. Альтернативы перестройке нет. Но вместе с энергией созидания, которую пробуждает в нас перестройка, раскрепощается энергия распада. Верится, несмотря на серьезные испытания правдой и гласностью, не распадется, а лишь окрепнет союз наших братских народов.

Вы видели когда-нибудь, как бережет лозу армянский виноградарь, как просыпается растение от долгой зимней спячки? Цену жизни знают те, кто вынужден эту каменную землю, выстрадав каждую лозу, которая тянется к солнцу, начинившись веселыми гроздьями... Моя Армения теперь, как та лоза — воспряла и уж более никогда не согнется, как в пору смутную и мрачную.

Хорен АБРАМЯН, председатель правления Союза театральных деятелей Армении, художественный руководитель Драмтеатра имени Г. Сундукяна, народный артист СССР.